

Дворцовые стены по-прежнему выглядели так же, как и всегда: ярко-красные и прямые, словно застывшие в вечности.

Сун Чуньцзин взглянул на небо, которое можно было увидеть, подняв голову:

— В Медицинской палате, если нет срочных дел, нельзя бегать так, как ты только что сделал.

Шэнь Хуань с недоумением посмотрел на него.

Сун Чуньцзин продолжил:

— Будучи придворным лекарем, если ты будешь суетиться, посторонние могут подумать, что кто-то серьезно заболел. Это легко породит слухи.

Шэнь Хуань кивнул и серьезно ответил:

— Понял.

Он действительно вел себя хорошо, без обычных детских шалостей, что говорило о строгом воспитании в резиденции генерала, где его растили как родного сына.

Сун Чуньцзин неспешно шел вперед.

Шэнь Хуань следовал рядом, неся большой медицинский ящик. Мышцы на тыльной стороне ладони у него напряглись:

— Мы сейчас пойдем осматривать тех трех государынь? По очереди...

— Я знаю, — сказал Сун Чуньцзин.

Шэнь Хуань замолчал.

Некоторое время они шли молча.

Сун Чуньцзин взглянул на него и заметил, что тот немного приуныл.

Сун Чуньцзин задумался:

— Во дворце много людей и глаз. Чем больше говоришь, тем больше ошибок, чем больше делаешь, тем больше ошибок. Запомни, первое, чему нужно научиться, — это не медицина, а умение держать язык за зубами.

Шэнь Хуань задумался и подумал: «Он все же обо мне заботится». Вдруг он снова обрадовался.

Вспомнив слова Суна, он тут же сдержал улыбку и лишь серьезно кивнул.

Дворец изумрудной прохлады был украшен со вкусом.

Не слишком роскошно, но и не чрезмерно скромно. Зимой здесь было не слишком тепло, летом — не слишком прохладно. Все было в меру.

Никто не мог найти в этом недостатков.

Императрица была добродушной, часто улыбалась, создавая впечатление доброй и заботливой женщины. Однако, поскольку в заднем дворце не было наследников, многие невольно

задавались вопросом, не было ли это результатом ее действий.

Подспудные подозрения длились долго, но никаких улик так и не нашли.

Со временем все стали считать ее истинно добродетельной.

Императрица полулежала на ложе, отдыхая с закрытыми глазами, когда старая служанка подошла к ней и тихо сказала:

— Государыня, Сун Чуньцзин из Медицинской палаты взял в ученики приемного сына из резиденции генерала. Сегодня он официально стал учеником.

Императрица открыла глаза и на мгновение задумалась.

Старая служанка продолжила:

— Этот Сун Чуньцзин слишком смелый, берет кого попало.

Императрица, опираясь на ее руку, поднялась:

— Резиденция генерала оказала ему честь, вероятно, чтобы заручиться его поддержкой.

Эта старая служанка была ее давней спутницей, поэтому она не боялась говорить прямо:

— Тогда мы будем продолжать его использовать?

Императрица улыбнулась:

— Не стоит беспокоиться. Наследный принц с ним близок. Кроме того, в Медицинской палате не он один. Мы найдем другого, кто будет регулярно осматривать меня, — она сделала паузу, словно что-то вспомнив, и добавила:

— И наследного принца тоже.

Старая служанка кивнула:

— Генерал тоже, зачем он отправил сына учиться медицине?

Императрица ответила:

— Приемный сын не может унаследовать титул. Говорят, его сын слаб здоровьем. Если он овладеет мастерством и останется в Медицинской палате, это будет хорошим выходом.

Служанка хотела что-то добавить, но в этот момент главная служанка постучала в дверь и тихо сказала:

— Государыня, лекарь Сун пришел для осмотра.

Императрица кивнула, взглянув на старую служанку.

Сун Чуньцзин с Шэнь Хуанем стояли за дверью, ожидая приглашения.

Главная служанка сказала:

— Войдите.

Шэнь Хуань, увидев иероглифы «Дворец изумрудной прохлады», на мгновение застыл.

Сун Чуньцзин обернулся, заметив его колебания, и легонько погладил его по голове:

— Не бойся.

Его лицо было холодным, и, когда он говорил, только тонкие губы слегка шевелились, остальное оставалось неподвижным.

Эти три легких слова, казалось, обладали какой-то магией, успокаивая взволнованное сердце Шэнь Хуаня.

Старая служанка поднесла к столу императрицы курильницу.

Императрица с улыбкой подняла крышку маленькой восьмиугольной курильницы с изображением восьми фениксов.

При ближайшем рассмотрении было видно, что улыбка не дошла до ее глаз.

Сун Чуньцзин вошел и поклонился. Императрица взяла маленькую ложечку для благовоний и, взглянув на юношу, следовавшего за ним, спросила:

— Это новый ученик лекаря Суна? Неплохо выглядит.

— И усерден, — добавил Сун Чуньцзин, видя, что императрица не протягивает руку, и не спешил начинать осмотр.

Императрица отвела взгляд, положила ложечку. Когда Сун Чуньцзин махнул рукой, Шэнь Хуань поднял медицинский ящик.

Достав подушечку для запястья, императрица мягко положила на нее руку:

— Сообразительный, недаром ребенок, воспитанный в резиденции генерала.

— Ваше величество в добром здравии, — ответил Сун Чуньцзин, убрав руку. — Генерал сказал, что его избаловали, и велел мне не щадить, если нужно наказать. Он не пожалеет.

На самом деле, своих детей никто не жалеет, это просто строгость родителей, желающих, чтобы их дети преуспели.

Императрица улыбнулась.

Сун Чуньцзин тоже слегка улыбнулся:

— И я благодарен генералу за доверие. Видимо, наследный принц часто обращается ко мне за лекарствами, и это создало впечатление, что я хороший лекарь, что и привлекло внимание генерала.

На этот раз императрица искренне рассмеялась:

— Раз он хороший материал, расти его с умом.

Она снова взяла ложечку для благовоний.

— Да, — почтительно поклонился Сун Чуньцзин. — Пока он мало чем может помочь, только носить медицинский ящик, чтобы облегчить мою работу.

Ложечка мягко перемешала благовония в курильнице, и легкий дымок медленно поднялся, изящный и плавный.

Императрица положила ложечку и медленно сказала:

— Учи его постепенно.

Выйдя из Дворца изумрудной прохлады, Шэнь Хуань вздрогнул от холода в разгар зимы.

Сун Чуньцзин обернулся и увидел, что Шэнь Хуань одной рукой вытирает пот.

— Чего боишься? — спросил Сун Чуньцзин.

— Не знаю, — смущенно улыбнулся Шэнь Хуань. — Просто боюсь, особенно когда думаю, что она мать наследного принца.

— Если не совершил ошибки, нечего бояться, — сказал Сун Чуньцзин.

Шэнь Хуань подумал: «Но мое положение шаткое, что, если она узнает...»

Сун Чуньцзин, словно прочитав его мысли, равнодушно сказал:

— Ты считаешь, что твое происхождение особенное, поэтому постоянно об этом думаешь. Именно потому, что ты держишь это в уме, другие тоже обращают на это внимание. Если ты считаешь, что это вымысел, то это и будет вымыслом. Все зависит от твоего восприятия.

Шэнь Хуань поднял голову и посмотрел на него. Ему казалось, что хотя тот часто хмурится, человек он неплохой.

Свой отец никогда не сказал бы ему такого.

Они вышли из Медицинской палаты рано, и потому утро, и без того прохладное, казалось еще более морозным.

Сун Чуньцзин ускорил шаг.

Шэнь Хуань, не понимая, поспешил следом.

Вскоре они вошли в резиденцию другой знатной особы, где было гораздо теплее.

Здесь к ним отнеслись с большим уважением.

На прощание Сун Чуньцзин оставил пакет с лекарствами.

Их проводили с благодарностями.

Выйдя из резиденции, Шэнь Хуань спросил:

— Учитель, у той знатной особы нет никакой болезни. Что это за лекарство вы дали?

— Лекарство для зачатия, — без колебаний ответил Сун Чуньцзин.

Шэнь Хуань ахнул.

Сун Чуньцзин пояснил:

— Во дворце два вида лекарств расходуются быстрее всего: тонизирующие и лекарства для зачатия.

Шэнь Хуань, не понимая, кивнул.

Он был немногословен, и Сун Чуньцзин не знал, что еще сказать, поэтому просто произнес:

— Пора возвращаться.

Шэнь Хуань неуверенно спросил:

— А как же еще одна? Та, наложница-фаворитка Шу...

Сун Чуньцзин вспомнил:

— Ах да, забыл тебе сказать. Наложница Шу недавно была понижена в звании до госпожи. Сейчас она под домашним арестом, и в течение месяца нам не нужно ее посещать.

Шэнь Хуань снова ахнул, хотел спросить причину, но вспомнил, что Сун не любит, когда он много говорит, и прикусил язык.

— Значит, сегодняшние дела закончены? — наконец спросил Шэнь Хуань.

Сун Чуньцзин кивнул.

Затем он задумался и выбрал более удаленную дорогу.

Шэнь Хуань не осмелился спрашивать, просто следовал за ним.

Он заметил, что его учитель был похож на бамбук: прямой, с прямым характером, и даже походка у него была изящной.

Как бамбук, тонкий и грациозный, полный изящества и духа.

Эти беспорядочные мысли Шэнь Хуаня длились недолго.

Неся медицинский ящик, он вскоре начал задыхаться.

Хотя он был подростком, он рос в роскоши, был худощавым и не обладал выносливостью.

А медицинский ящик был тяжелым.

Когда он уже изнемогал, ящик вдруг стал легче.

Сун Чуньцзин взял его и понес сам.

Шэнь Хуань посмотрел на него, но тот лишь кивнул вперед.

Шэнь Хуань поднял голову и увидел перед собой море цветущих красных слив.

Садовники не ленились, ежедневно подрезая их, чтобы каждая ветка выглядела красиво.

Лепестки красных слив были покрыты ледяными кристаллами, сверкающими, как хрусталь.

Шэнь Хуань воскликнул:

— Вау!

Он сделал пару шагов вперед, но, вспомнив утренние наставления учителя, тут же остановился и смущенно посмотрел на Суна.

Сун Чуньцзин кивнул, и только тогда Шэнь Хуань с покрасневшимся лицом бросился вперед.

Он осматривался, глаза едва успевали замечать все вокруг.

Солнце медленно поднималось выше.

Ледяные кристаллы на красных сливах таяли, и капли воды тихо падали вниз.

<http://bllate.org/book/17721/1656282>